

и ее доказывание. Задаваясь целью охранить существующий полицейский строй от «крамолы», «великая хартия» полицейских вольностей этой цели не достигла. Взгляды правительственных сфер в этом отношении совершенно сходятся с мнениями, высказывавшимися в научной и публицистической литературе того времени.

Литература

1. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906-1911. — М: Мол. гв., — С. 74.
2. «Правила о местностях, объявляемых состоящими на военном положении». Приложение к Своду губернских учреждений // Полный свод законов Российской империи. Под ред. А. А. Добровольского. — СПб. Издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова, 1911. — Т. 2. — С. 705.
3. Марголис А. Д. Законодательство об административной политической ссылке в России конца XIX века // Государственно-правовые институты самодержавия в Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 54.
4. Набоков В. Современное положение нашего уголовного законодательства // Право 1907. — № 34. — Стб. 2238.
5. Там же, Стб. 2239.
6. Там же, Стб. 2241.
7. Устав о ссыльных. Изд. 1909 г. // Полный свод законов Российской империи. Под ред. А. А. Добровольского. — СПб. Издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова, 1911. — Т. 14 — С. 3507. (Далее: ПСЗРИ ... Т. С.)
8. Подосенов О. П. Административная политическая ссылка в России в 70-80-х гг. XIX в. Обзор законодательства о ссылке // Вопросы теории права, социалистической государственности и социального управления. — Томск, 1984. — С. 13.
9. Марголис А. Д. Законодательство об административной политической ссылке ... — С. 54.

10. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // ПСЗРИ. — Т. 14 — С. 3405.

11. Подосенов О. П. Административная политическая ссылка ... — С. 18.
12. Марголис А. Д. Законодательство об административной политической ссылке ... — С. 55.
13. Б. М. Правовое положение административной ссылки // Право 1911., № 16, Стб. 970.
14. Марголис А. Д. Законодательство об административной политической ссылке ... — С. 55.
15. Хазиахметов Э. Ш. Положение политических ссыльных Сибири между революциями 1905 и февраля 1917 гг. // Ссылные революционеры в Сибири XIX в. — февраль 1917 г.) — Иркутск, 1974. — Вып. 2. — С. 177.
16. Подосенов О. П. Административная политическая ссылка ... — С. 14.
17. Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. Изд. 1882 г. // ПСЗРИ. Т. 14 — С. 3409, 3410.
18. Подосенов О. П. Административная политическая ссылка ... — С. 19.
19. Щербаков Н. Н. Режим ссылки ... — С. 53.
20. Хазиахметов Э. Ш. Положение политических ссыльных Сибири ... — С. 177.
21. Манифест от 21 февраля 1913 года // Омский телеграф. — 1913. — № 43. Приложение.
22. Горбунов А. Политика исключительных мероприятий // Право 1907. — Стб. 2754.
23. Там же, Стб. 2751.
24. Там же, Стб. 2943.
25. Там же, Стб. 2948.
26. Там же, Стб. 2756.
27. Там же, Стб. 2757.

ЗЕМЛЯКОВ Александр Владимирович, аспирант кафедры отечественной истории.

УДК 947.086/088

А. В. РЫЧКОВ

Омский государственный
технический университет

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛЫСЕНКОВЩИНЫ: ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ

Для выхода из современного кризисного положения, в котором оказалась страна, необходимо определить то основное звено, при помощи которого станет возможно переломить неблагоприятную ситуацию. По нашему мнению, таким звеном является наука.

Без обеспечения научной доминанты Россия не сможет занять достойного места в современном мире. «Мы можем уступать нашим соседям временно в общем уровне нашего благосостояния, нашего обихода жизни; единственно, в чем мы не можем им уступить — это в вооружении нашего интеллекта», — данная мысль

академика Н. И. Вавилова, относящаяся к середине 20-х годов прошлого столетия, сегодня звучит не менее современно [1].

Успешная научная политика государства возможна лишь при условии изучения, осмысления и учета предшествующего опыта научного строительства,

причем как положительного, так и отрицательного. В этом плане представляется целесообразным обращение к истории такого одиозного явления, как лысенковщина. В научной литературе уже определены как основные черты лысенковщины — идеологизация и примитивизация науки, авантюризм и автаркизм и пр., — так и ее негативные социально-экономические последствия [2].

В меньшей степени исследована проблема причин возникновения лысенковщины. Сразу оговоримся, что концепция «героев и злодеев отечественной науки» [3], популярная в последние годы, с научной точки зрения представляется совершенно непродуктивной. Доминирующие в историографии начала 90-х годов XX века взгляды на причины появления рассматриваемого феномена, суть которых сводится к тому, что «история лысенковщины — глава не истории науки как таковой, а глава истории партии» [4], являются правильными и оправданными, подчеркивающими значительную роль политического фактора в истории советской науки. Вместе с тем данные подходы, очевидно, несколько ограничены, поскольку не учитывают логики собственно научного развития, а акцентирование внимания исключительно на политических сюжетах, на наш взгляд, несет на себе печать острого политического противоборства в нашем обществе, участниками и свидетелями которого являлись исследователи поставленной проблемы.

Ныне, когда «года минули, страсти улеглись», пришло время более полного и обстоятельного анализа. Поэтому целью данной статьи будет рассмотрение истории возникновения лысенковщины как «главы истории науки».

Традиционно в российском общественном сознании модернизация страны связывалась, как правило, с деятельностью тех или иных исторических личностей, по образному выражению В.В. Шульгина, своего рода «социальных Эдисонов» [5]. Во взглядах же лидеров советского государства катализатором процессов исторического развития должна была стать именно наука. «Он фанатически любил науку и верил в нее как могущественный жизненный фактор», — писал академик С.Ф. Ольденбург о В.И. Ленине [6]. Социалистическое общество рассматривалось Лениным как результат реализации новейших научных идей в практическом плане. Научное творчество оценивалось советским руководством как родственное творчеству социальному, революционному процессу. А.В. Луначарский писал по этому поводу: «Немыслимо представить себе истинную науку, отделенную от революции и революцию от науки, ибо очень много существует общих признаков в научном и революционном искании. Свобода исканий, свобода методов, свобода творчества, смелый и решительный анализ и эксперимент — как моменты, присущие всякой творческой науке. Те же моменты присущи революции» [7]. Неограниченными представлялись и возможности науки в новой общественной системе. По словам Н.И. Бухарина, «в области научного творчества... мы стали уже на пороге задач грандиозного масштаба... Наша наука начинает все больше приводить в движение маховое колесо нашей практики» [8].

Подобные настроения были характерны для советских ученых вообще, и для ученых-аграрников в частности. Убеждение, что при помощи аграрной науки в условиях советского государства можно будет в течение короткого периода изменить облик сельского хозяйства, было господствующим в 20-30-е годы прошлого века. В это время учеными обсуждаются самые фантастические идеи. К примеру, в проекте структу-

ры институтов создаваемой ВАСХНИЛ значилась лаборатория по изучению вопросов искусственного вызывания и прекращения дождя; летом 1930 года совместное заседание сотрудников наркомата земледелия СССР и представителей сельскохозяйственной науки обсуждает вопрос о расширении посевных площадей в стране на 50 млн. гектаров в течение трех лет; в 1932 году на Ученом совете СибНИИСХоза (г. Омск) ставится проблема не борьбы с засухой, а ликвидации засухи как таковой. Величайшим оптимистом был и академик Н.И. Вавилов, призывавший в растениеводстве продолжать начатую социальную революцию [9]. В подобной ситуации самые авантюристические проекты Т. Д. Лысенко легли на подготовленную почву и были восприняты как реально выполнимые.

Грандиозным научным задачам соответствовали и темпы научного строительства, прежде всего в области расширения научно-опытной сети. Если в 1915 году в России функционировали 64 опытные сельскохозяйственные станции, то в 1929 году в СССР в области сельского хозяйства работали 33 научно-исследовательских института, 5 их филиалов, 283 опытные сельскохозяйственные станции, в 1932 году уже 82 НИИ, 158 филиалов НИИ, 327 опытных станций [10]. Однако общеизвестно, что удельный вес науки в стране определяется не только числом научных институтов, отпускаемыми им средствами, но и высотой научного полета, широтой кругозора ее деятелей. В то время как создаваемые в массовом порядке научно-опытные учреждения комплектовались научными кадрами, не имеющими достаточной не только научной, но и общеобразовательной подготовки. Привлечение к научной деятельности людей, имеющих значительные пробелы в образовании, имело довольно массовый характер. Н.И. Вавилов в докладе, посвященном 6-летию ВАСХНИЛ, указал на «недостаточный уровень нередко даже руководящего персонала в научных учреждениях» [11]. Ситуация осложнялась практикой так называемого выдвигенчества, ударничества — своеобразной формой соревнования студентов за сокращения сроков обучения в вузе — и тому подобными явлениями.

Столь негативные изменения в кадровом потенциале сельскохозяйственной науки не могли не привести к ее примитивизации, торжеству упрощенных концепций и схем, антиинтеллектуализму. Следует указать, что Н.И. Вавилов к середине 30-х годов осознал всю сложность и неоднозначность ситуации, сложившейся в сельскохозяйственной науке: «Основная нужда сейчас ни в расширении масштабов работ, ни в дополнительном техническом персонале и даже ни в образовании, которое далеко от идеала, а в теоретической подкованности. Гипертрофия масштабов требует ограничения» [12].

В личности академика Т.Д. Лысенко, ставшего в 1938 году президентом ВАСХНИЛ и в течение почти 30 лет определявшего развитие аграрных исследований, как в капле воды отразились проблемы советской науки того периода. «Наличие природных способностей не возмещает отсутствия строгой школы (нет ни школы научного мышления, ни школы строгого эксперимента) — это совершенно не дисциплинированный ум... Вся работа Лысенко похожа больше на работу любителя, кустаря-изобретателя, чем на систематическую работу ученого», — писал академик Д.Н. Прянишников [13]. Профессор А.А. Любищев, отмечая талантливость, целеустремленность и работоспособность Лысенко, вместе с тем подчеркивал «отсутствие общей культуры, примитивность мышления, незнание с подлинно научной методикой работы» [14]. Анало-

гична оценка Т.Д. Лысенко и у академика А.А. Никонова: «Лысенко — не лишен даровитости и трудолюбив, напорист и энергичен, но малокультурен, малообразован, груб, нетерпим к оппонентам, хитер и конъюнктурен, крайне честолюбив, неряшлив и некорректен в исследованиях, деспотичен, утилитарист до крайности» [15].

Примитивизация сельскохозяйственной науки проявилась в игнорировании значения теоретических биологических дисциплин, в особенности генетики, в ориентации науки на обобщение практического опыта сельского хозяйства. Реализуются популистские идеи о превращении аграрной науки в «близкую и понятную крестьянам», а каждого сельского труженика в опытного-исследователя. «Лысенко не только внедрял свои идеи в массы, но и разрабатывал их при самом широком участии колхозных опытников», — писал И.И. Презент, идеолог лысенковщины [16]. Другой апологет Т.Д. Лысенко, академик Б.А. Келлер, подчеркивал, что советская аграрная наука, «народный советский дарвинизм» «выливается в целое народное научное движение, чрезвычайно большой теоретической силы и производственной мощности» [17].

Вместе с тем в возникновении лысенковщины сыграли известную роль трудности гносеологического порядка, отражающие сложный и противоречивый процесс соединения генетики с селекцией, причем эти трудности характерны для мировой науки в целом. По словам Н.И. Вавилова, «селекционная работа как в нашей стране, так и за рубежом в прошлом характеризовалась и характеризуется теперь отрывом от генетики» [18]. Идеи Лысенко были близки научным сотрудникам, работавшим с отдельными культурами и не занимавшимся непосредственно генетическими экспериментами. «Культурники находятся ближе ко всем идеям Лысенко», — это слова профессора Е.Н. Синской, одной из сотрудниц Н.И. Вавилова во Всесоюзном институте растениеводства, добросовестного ученого, автора многих работ по ботанике [19]. Весьма красноречиво эта ситуация отражена ученым — современником описываемых событий: «Как большинство биологов моего поколения, я мало образован в общетеоретических вопросах, я ничего не понимаю в генетике. Мы ведь такая научная мастеровщина, что-то вроде столяров: одни из нас, поспособнее, соответствуют краснодеревщикам, другие, поплотнее, не идут далее изготовления научных табуреток. Но в обоих случаях до подлинного интереса к основным вопросам теории конструкции дело не доходит. Сейчас, пожалуй, можно по пальцам пересчитать ученых, имеющих в биологии общий широкий горизонт. Во всей стране... найдется вряд ли более десяти человек. Это вряд ли случайно» [20].

Как уже отмечалось, трудности соединения генетики и селекции имели место и за рубежом. Общества мичуринцев и подобные им объединения сторонников Т.Д. Лысенко в 40-50-е годы прошлого века существовали в Англии, Франции, Швейцарии, Италии, Бельгии, Японии, других странах [21]. По свидетельству Н.П. Дубинина, одного из наиболее последовательных и активных противников лысенковщины, «некоторые биологи и за рубежом поддерживали Лысенко» [22].

Сыграли свою роль и факторы психологического свойства. В описываемое время в общественном сознании сложился устойчивый образ ученого-аграрника, практика, днюющего и ночующего в поле. «Природа — это простояющий, она любит труд, любит мозолистые руки», — эти слова К.А. Тимирязева воспринимались буквально [23]. Понятно, что в сложившейся

обстановке деятельность ученых, занимавшихся лабораторными генетическими исследованиями, результаты которых могли быть использованы в производстве лишь в отдаленной перспективе, далеко не всегда воспринимались позитивно. Справедливости ради следует заметить, что неприятие имело взаимный характер. Так, академик ВАСХНИЛ М.А. Лисавенко, автор многих сортов садовых культур, считающийся родоначальником сибирского садоводства (его имя носит сейчас НИИ садоводства Сибири) писал о том, что «генетики на каждом этапе считали себя непогрешимыми учеными, а аинакомыслящих — работающих на земле — невеждами» [24].

Таким образом, изложенный выше материал позволяет заключить, что на возникновение лысенковщины наряду с факторами политического порядка оказали воздействие недостатки в области сельскохозяйственного научного строительства в 20-30-е гг. XX в.; противоречивый, нелинейный процесс развития научного знания, выразившийся в сложностях использования достижений генетики в селекционном процессе; психологический консерватизм ученых.

Современная научная политика, бесспорно, должна выстраиваться с учетом негативных факторов предшествующего опыта научного строительства. Тем более что сегодня, в условиях динамичного научного и технологического прогресса в мире, рациональное использование научно-образовательного потенциала является важнейшим элементом «стратегии спасения», базисным звеном в системе национальной безопасности страны. К сожалению, приходится констатировать, что отечественный научный опыт не использован. Современная российская наука больна. Итог последнего десятилетия — наглядное тому подтверждение. В исследовательской литературе отмечается, что разработка концепции российских реформ осуществлялась «в спешке и за закрытыми дверями небольшой группой второразрядных экономистов» [25]. Последствия от реализации данных «научных» программ оказались для нашей страны не менее трагичными, чем последствия от деятельности Лысенко. Известный английский экономист Дж. Росс считает, что в 1990-е гг. «Россия пережила за всю свою историю крупнейший промышленный крах, фактически это крупнейший крах промышленной экономики в мирное время, когда-либо случавшийся в истории» [26].

«Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна», — писал Н.М. Карамзин [27]. Но наш предшествующий опыт нас ничему не научил. Научит ли?

Литература

1. Вавилов Н.И. «Жизнь коротка, надо спешить»: Публицистика классиков отечественной науки. — М., 1990. — С. 89.
2. См., например: Любичев А.А. В защиту науки: Статьи и письма. Л., 1991; Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII-XX вв.). — М., 1995.
3. См., например: Штоль С.Э. Герои и злодеи российской науки. — М., 1997.
4. Репрессированная наука. — Л., 1991. — С. 276.
5. Шульгин В.В. Дни. 1920. — М., 1989. — С. 112.
6. Цит. по: Беляев Е.А. КПСС и организация науки в СССР. — М., 1982. — С. 16.
7. Репрессированная наука. — С. 14.
8. Бухарин Н.И. Избранные произведения. — М., 1988. — С. 373.
9. Вавилов Н.И. «Жизнь коротка, надо спешить». — С. 579.

10. Есаков В.Д. Советская наука в годы 1-й пятилетки. — М., 1971. — С. 246-247.

11. Вавилов Н.И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР: Избранные статьи и выступления. — М., 1987. — С. 97.

12. Вавилов Н.И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР. — С. 74.

13. Репрессированная наука. — С. 530.

14. Любищев А.А. Указ. соч. — С. 26.

15. Никонов А.А. Указ. соч. — С. 214.

16. Презент И.И. В содружестве с природой: И.В. Мичурин и его учение. — М.-Л., 1948. — С. 106.

17. И.В. Мичурин в воспоминаниях современников. — Тамбов, 1963. — С. 88.

18. Вавилов Н.И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР. — С. 44.

19. Цит. по: Репрессированная наука. — С. 234.

20. Цит. по: Любищев А.А. Указ. соч. — С. 62.

21. Глушченко И.Е. Страны, встречи, ученые: Записки биолога. — М., 1963. — С. 87, 153-154, 176-177, 318.

22. Дубинин Н.П. История и трагедия советской генетики. — М., 1992. — С. 247.

23. Цит. по: Крылов Г.В. Мичуринцы — сибиряки. — Новосибирск, 1945. — С. 27.

24. Земля сибирская, дальневосточная. — 1970. — №10. — С. 57.

25. Внешняя политика и безопасность современной России. В 2-х тт. Т.1. Кн.2. — М., 1999. — С. 92.

26. Коммерческие вести. — 1994. — №14.

27. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 4-кн. Кн. 1. — Ростов н/Д., 1995. — С. 30.

РЫЧКОВ Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

УДК 347.243(47+57)001.8

Н. П. МАГ

Омский государственный
аграрный университет

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В российском законодательстве впервые в истории за декларацией "О земле и мире" состоялось систематизированное изложение правовых актов землевладения, распоряжения и пользования — принят "Земельный кодекс РФ". Это достижение явилось разделительной линией в общественных отношениях к земле между теми, какие были до утверждения новых законов. После утверждения кодекса заново началось развитие земельного права, но уже на основе анализа последствий применения старых законов. Декларации основного закона Российской Федерации прямого действия позволяют проработать возможность исключения фискального права из практики земельных отношений. Фиск можно исключить на базе платы за пользование природными ресурсами. Земля относится к природным ресурсам регионов страны.

Все аграрные науки происходят от позитивного консерватизма и неспешности в поступках земледельцев. От отца к сыну, из века в век передаются результаты наблюдений за феноменологией природы и за вегетацией растений. Чего не догадался сопоставить дед, предположит отец и наставит сына.

Человечество обязано существованием позитивно-консервативному образу мышления земледельца.

(Светлой памяти отца. Выпускник 20-х годов Омского сельскохозяйственного института. Один из организаторов первых МТС и их главный пожизненный агроном)

Вступили в действие "Земельный кодекс РФ" [1] и Федеральный закон (ФЗ) "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" [2], и наступил момент,

когда их следовало бы исполнять, и вместе с тем наступил факт состоявшегося события, за которым могут следовать юридически обоснованные последствия в соответствии с основным законом РФ [3, Ст. 19.1.].

Можно бы продолжать служить панегирик торжеству идей П.А. Столыпина и итогам гениальности исполнителя реформ.

Можно также заказывать панихиду по безвременной кончине декрета "О земле и мире".

Можно продолжать смаковать законотворчество Государственной думы РФ.

Однако сейчас принесет ли все это практическую пользу и разрешение вопроса поземельных отношений в РФ?!

Скорее всего, наступил переломный момент, с которого необходимо переключиться с реформаторских идей прошлого на разработку следующего этапа в развитии земельного законодательства в РФ. И, возможно, в порядке поиска решения проблемы настало время оценки фактов и последующих за ними событий,